

Впрочем, об этом в свое время хорошо и достаточно открыто сказал Георгий Иванов. Стихи Есенина помогают памятно хранить в душе то, что десятилетиями заставляли забыть. «Беспристрастно, — писал Г. Иванов в предисловии к парижскому (1950) сборнику стихов поэта, — оценят творчество Есенина... не раньше, чем освободится, исцелится физически и духовно Россия. В этом исключительность, я бы сказал, «гениальность» есенинской судьбы. Пока Родине, которую он так любил, суждено страдать, ему обеспечено не пресловутое «бессмертие» — а временная, как русская мука, и такая же долгая как она, жизнь». И чуть ниже: «Из могилы Есенин делает то, что не удалось никому: объединяет русских людей звуком русской песни...» [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лернер Н. Господа Плевицкие // Журнал журналов. 1916. № 10, февраль. С. 6.
2. Здесь и далее с указанием страниц: Есенин Сергей. Полн. Собр. Соч. Т. 1. М., 1995.
3. Ходасевич В. Некрополь: Воспоминания. М., 1991. С. 124.
4. Там же. С. 154.
5. Белинский В. Г. Собр. Соч. В 3 томах. М., 1948. Т. 3. С. 137.
6. Сакулин П. Народный златоцвет // Вестник Европы. 1916. № 5. С. 205.
7. Сергей Есенин. Сочинения. М., 1994. С. 59.
8. Там же. С. 60.
9. Юшин П.Ф. Сергей Есенин: Идеино-творческая эволюция. М., 1969. С. 137.
10. Жаворонков А. З. С. Есенин и русские писатели XIX-XX вв. Уч. зап. Кировского госпединститута. Вып. 49. Киров, 1971. С. 112.
11. Лит. газета. 1997. 16 апр., № 15 (5649). С. 10.
12. Иванов Г. Сын «страшных лет России» // Русский рубеж. № 3. 1990. С. 9-10.

**ЛЮДМИЛА ИЛЬНИЧНА
КРЕКНИНА** —
старший преподаватель кафедры
русской литературы филологического
факультета,
кандидат филологических наук

УДК 882. 091

**ТЕМА ОСВОЕНИЯ СИБИРИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА**

АННОТАЦИЯ. Статья впервые систематизирует произведения о Ермаке разных эпох (от Н. М. Карамзина, К. Ф. Рылеева, П. П. Ершова до Н. И. Костомарова, Л. Н. Толстого, Д. Н. Мамина-Сибиряка) и устанавливает связь литературной темы с развитием национального культурного самосознания: общероссийского и регионального.

An article systematizes the works about Ermak of different periods (from N. M. Karamzin, K. F. Ryleev, P. P. Ershov till N. I. Kostomarov, L. N. Tolstoy, D. N. Mamin-Sibiryak) for the first time. A connection of this literary topic with

the development of the national all-Russia and local cultural self-awareness is established in this article.

Учитель, обращающийся к теме Ермака в литературе XIX века, должен иметь в виду соотнесенность с историческими и литературными знаниями учеников по общей программе: с историей России XVII века, знакомство с летописями, дореалистическими методами и жанрами в литературе. Изучение темы Ермака в старших классах необходимо и потому, что сама тема и образ Ермака в сознании человека конца XX века и в современном литературоведении, в других науках являются предметом острых дискуссий, которые не отменили известные академические исследования историков А. П. Окладникова, А. И. Андреева, Е. К. Ромодановской и краеведов Д. И. Копылова, Р. Г. Скрынникова и других. До сих пор предлагаются гипотезы о происхождении Ермака, его имени, образе жизни до похода в Сибирь и значении его личности в истории России. Еще более сложное явление — образ Ермака в литературе, потому что аккумулирует в себе кроме эпохальных исторических представлений собственно литературные авторские и ориентацию на фольклорно-легендарный образ.

Литературное освоение Сибири, другими словами, тема Ермака в литературе, несомненно, заслуживает самостоятельного исследования и школьного изучения, потому что является, начиная с XIX века, достоянием не только региональным, но общероссийским. В этом убеждает простое перечисление: глава о Ермаке в "Истории государства Российского" сентименталиста Н. М. Карамзина (1821), дума казненного декабриста К. Ф. Рыльева "Смерть Ермака" (1824), трагедия славянофила А. С. Хомякова "Ермак" (1825), сонет "Смерть Ермака" (1830) и поэма "Сузге" (1837) П. П. Ершова, историческая драма романтика Н. Полевого "Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь" (1845), глава о Ермаке в "Жизнеописаниях ее главнейших деятелей" (1874) Н. И. Костомарова и народный рассказ Л. Н. Толстого "Ермак" (1875), очерки о покорении Сибири 1880-х годов Д. Н. Мамина-Сибиряка. Поэты и прозаики, принадлежавшие к разным литературным направлениям и общественно-политическим течениям, в разные эпохи обращались к теме Ермака как транзитной, эстетически и идеологически значимой. Универсальное значение темы еще в XVIII веке афористично разъяснил М. В. Ломоносов фразой о "могуществе России, которое прирастать будет Сибирью". Культурное и литературное освоение темы в XIX веке интенсифицируется в периоды социальной напряженности внутри государства (восстание декабристов, народническое движение) и при межнациональных конфликтах (крымская война, польское восстание). Другими словами, тема Ермака в региональной и общероссийской литературе органично сопровождает развитие национального культурного самосознания, православной духовности. Она естественно входит в широкий контекст общечеловеческих ценностей, в среде которых формировалась "русская идея", начинались споры ранних славянофилов (И. В. Киреевского, А. С. Хомякова) с западниками.

Неразрывная связь темы Ермака в литературе со сложнейшими идеологическими явлениями, в том числе и сегодняшнего дня, провоцирует на упрощенно-соблазнительные политизированные концепции-однодневки в духе атеистической классовой методологии со сменой приоритетов революционных на религиозно-идеологические. Аналогичный процесс происходит с переоценкой других общественно-культурных течений прошлого века, в частности славянофильства. Об ограниченности такой методологии пишут Б. Егоров, А. Буланов, О. Р. Николаев и Б. Н. Тихомиров и др. [1]. Модная

ныне проблема национальной ментальности не может быть серьезно осмыслена без расширения и обновления методологии, где конкретно-исторический подход сочетался бы с культурологическим, с анализом христианской этики.

Литературное освоение Сибири начинается в пушкинскую эпоху, в период становления национальной самобытности в литературе романтизма, когда повсеместно распространилась мода на местный колорит, на увлечение фольклорными жанрами. Общественным контекстом стали неосуществленные реформы Александра I и М. Сперанского, в том числе церковная, перевод Евангелия на современный русский язык в 1820 году и дискуссии декабристов и любомудров о революционном насилии. Литературным контекстом послужила "История" Н. М. Карамзина, сюжеты из которой черпали все его современники. Сам же императорский историограф ориентировался, с одной стороны, на европейскую традицию романтической историографии Гизо, Тьерри, с другой, на русское летописание, в частности, на Есиповскую и Ремезовскую летописи (недаром Пушкин назвал его "последним нашим летописцем и первым историком) и фольклорную былинную поэзию. Духовное очищение, становление Ермака и "буйных атаманов" из разбойников в народных героев, освоителей новых земель изображено в духе романтически-былинного превращения: "Ермак с товарищами проследил от умиления, как пишут: мысль свергнуть с себя опалу делами честными, заслугою государственною и променять имя смелых грабителей на имя добрых воинов отечества тронула сердца грубые, но еще не лишённые угрызений совести" [2].

Использование фольклора (народных преданий, легенд, исторических песен и других жанров) обеспечивало воссоздание "духа народного" и превращало "историю государства" в "историю русского народа", хотя это и оспаривалось современниками, Николаем Полевым, в частности. Ермак-победитель у Карамзина действует как мудрый государственный деятель и военачальник: "Сей бывший атаман разбойников, оказав себя героем неустрашимым, вождем искусным, оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях и в соблюдении воинской подчиненности, вселив в людей грубых, диких доверенность к новой власти и строгостию усмиряя своих буйных сподвижников, которые, преодолев столько опасностей, в земле, завоеванной ими, на краю света, не смели тронуть ни волоса у мирных жителей. Пишут, что грозный, неумолимый Ермак, жалея воинов христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякоеслушание, за всякое дело студное: ибо требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и царю земному и царю небесному; он думал, что бог даст ему победу скорее с малым числом добродетельных воинов, нежели с большим закоснелых грешников, и казаки его, по сказанию тобольского летописца, и в пути и в столице сибирской вели жизнь целомудренную: сражались и молились!" (230). Повествуя о походе Ермака в царствование Иоанна Грозного, Карамзин неоднократно ссылается на народные предания и сюжет о гибели, посмертных чудесах у тела Ермака. Рядом с кровавыми зверствами Иоанна IV покоритель Сибири, "милующий безоружных", благородно отказывающийся от татарской княжны, представленной в дар вместе с данью, демонстрирует деяния идеального романтического героя, "целомудренного атамана", как пишет Карамзин (239).

Трагедия А. С. Хомякова "Ермак" писалась в ожидании и под впечатлением событий 1825 – 1826 годов, а первое чтение состоялось с одновремен-

ным чтением "Бориса Годунова" А. С. Пушкиным в доме Веневитиновых. Это неблагоприятно сказалось на восприятии трагедии: "отставание" от гениальной реалистической трагедии Пушкина (но гений всегда опережает) и сконцентрированность на романтической традиции были истолкованы как подражание шиллеровским "Разбойникам" (см. подробнее Б. Ф. Егоров. Поэзия А. С. Хомякова).

Сюжетное сходство с драмой Шиллера, романтическая условность речи героев, конечно, ослабляли оригинальность пьесы, но не отменяли ее. Об этом свидетельствует многолетний сценический успех трагедии с П. С. Мочаловым в главной роли. Секрет успеха в нравственном пафосе, который был отзвуком дискуссий автора в собраниях у Рылеева. А. С. Хомяков настаивал на том, что "всякий военный бунт сам по себе безнравственен". Отсюда сознательная жертвенность главного героя при его "рупорности" и общей романтической неразработанности субъектно-объектных отношений в драме. Ю. В. Манн мотив искупления, примирения объясняет диалектикой романтической двухплановости, при которой немирность, разбойничество Ермака до похода в Сибирь также предопределено судьбой, его особыми отношениями с жизнью как экстраординарной личности [3]:

*Я был разбойником, но к преступленьям,
К разбоям кто, скажи, меня послал?
Не ты ль, который отдал всю Россию
И подданных богатства, жизнь и честь
Кромечникам своим на расхищенье?...
Чего в разбоях я искал? Спасенья!
Спасенья от неправедной вражды,
От коей вся пространная Россия
Укрыть главы невинной не могла [4].*

Разбои на Волге Ермак у Хомякова как романтический герой считает исполнением высокой миссии спасения чести России от внутриполитической "неправедной вражды". Жертвенным пафосом объясняются отступления от исторических фактов в пьесе: Кучум заменен шаманом, попытка спасения вплавь по Иртышу превращается в сознательное самоутопление Ермака. Шаман необходим в пьесе как лицо, предлагающее венец Сибири достойному. Кучум оказался недостойным. Шаман:

*Кучум отвергнут Рачей всемогущим
За то, что он покрыл свою главу
Презренною чалмою иноземцев
И, позабыв закон отцов своих,
Стал умерщвлять служителей шайтанов.
Да будет проклят он! Его глава
Да будет снедию волков пустынных!*

С введением в сюжет шамана у Ермака появляется возможность выбора жизненного пути при свободном волеизъявлении:

*Прости мне вздох сей, о страна родная!
Тебе быв верным, умереть?
Иль изменив, венцом владеть?
Нет! Умереть не изменяя! (228)*

Пушкинская формула "На свете счастья нет, но есть покой и воля" реализуется у Хомякова как воля-действие и воля-покой:

*Все кончено. Я в пристани покоя
И неподвластен ветреной судьбе. (227)*

Иначе расценивает свободное волеизъявление Ермака шаман. Для него гибель Ермака — исполнение его предсказания, венчание с Сибирью в седом Иртыше:

*Иртыш сейдой — так зрел я в вещем сне —
Тебя венчал в бездонной глубине,
И сон таинственный свершится:
Где между скал шумит струя,
Венец Сибири бросил я. (227)*

Традиционная романтическая двойная мотивировка не только придает финалу мистический колорит, но и возвращает к полемике Хомякова и декабристов о насилии и кровопролитии. Самоубийство Ермака — добровольная расплата за давнее и недавнее насилие, а вещий сон шамана — ответ природы Сибири. Гармония национального единства покупается дорогой ценой — обреченностью на гибель раскаявшегося разбойника Ермака.

В итоге: сконцентрированность на разработанных приемах романтической поэтики в трагедии "Ермак" обнаруживает их неисчерпанность и служит своеобразным нравственно-эмоциональным дополнением к реалистической трагедии Пушкина "Борис Годунов". Хомяков тему Ермака истолковывает в славянофильско-христианском смысле как неизбежность нравственного искупления. У Карамзина она получает фольклорно-романтическую интерпретацию.

В это время происходит формирование творческой индивидуальности П. П. Ершова. Проблему местного колорита Ершов решает обращением к сибирскому фольклору, истории. Сибирская тема в творчество тоболяка П. П. Ершова входит естественно и органично вместе со всемирно знаменитой сказкой "Конек-горбунок", впервые опубликованной в 1834 году и насыщенной фольклорными региональными мотивами [5]. Региональный характер творчества П. П. Ершова, само понятие литературного регионализма как системное не вызывает сомнения в современном литературоведении и даже приобретает "сибирефильский" уклон в этногеографическом гумилевском духе в работах Б. А. Чмыхалы [6]. Творчество П. П. Ершова он рассматривает как промежуточное между национальной русской литературой и сибирской как ее культурным гнездом. Образ Ермака появляется впервые несколько ранее в сонете "Смерть Ермака" в начале тридцатых годов под несомненным воздействием одноименной думы К. Ф. Рылеева, приобретшей популярность как народная песня.

И в думе "Смерть Ермака" Рылеева, и в "Истории государства Российского" Карамзина деяния покорителя Сибири интерпретируются в романтическом проевропейском духе: Карамзин неоднократно сравнивает Ермака с Марко Поло, освоение Сибири с завоеванием Мексики и Перу [7]. Но в отличие от Карамзина, активно привлекающего легендарно-былинный материал, почерпнутый из "Краткой сибирской летописи" С. У. Ремезова (Карамзин называет его "тобольским летописцем" (230)), поэт-декабрист сознательно отказывается от христианско-легендарных мотивов в пользу гражданственности и политического пафоса. Историческая справка, предпосланная думе, да и сама дума нарочито событийны и строго документальны. Упоминание "Руси святой" и "благословения отчизны" вписываются в контекст ратного служения, "непраздного дела", противопоставленных праздному "добыванию злата" в прежних разбоях:

*Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив*

*Благословения отчизны —
 Нам смерть не может быть страшна;
 Свое мы дело совершили:
 Сибирь царю покорена,
 И мы — не праздно в мире жили! [8]*

Чеканная драматичность формы канонического четырнадцатистрочного сонета, выбранная П.П.Ершовым, потребовала еще большей пространственной и временной концентрации, чем в думе Рылеева, повлиявшей на выбор сюжета о гибели Ермака. Ершов отсекает эпилог думы Рылеева и заканчивает падением в волны, не называя имени: "И кто-то с утеса в кипевшие волны упал". [9] Такая концовка оставляет надежду, хотя и достаточно туманную, на разный исход: забвение или вечную память потомков. Рылеевский "объятый думой" Ермак у Ершова не случайно окован "злой кручиной" и "ужасом невольным духа":

*И злая кручина на сердце героя лежала,
 Главу тяготила, горячую кровь волновала.
 И ужас невольный дух бодрый вождя оковал. (с. 41)*

Так сибирский поэт в трех строках передает внутреннее состояние и предчувствие роковой опасности. У Рылеева Ермак не томится таинственным предчувствием, а размышляет, планирует завтрашний день (в трех строфах, начиная с "О спите, спите, — мнил герой, — и кончая "И мы — не праздно в мире жили!" (146-147)). Дума Рылеева в сравнении с сонетом Ершова не психологична, демонстративно эпична, торжественно повествовательна. Гражданский политизированный пафос думы Рылеева в сонете Ершова смягчается и психологизируется. Сравните: у Рылеева Ермак назван героем трижды; жертвой, вождем, богатырем, Ермаком три раза; казаки — товарищами его трудов, побед и громозвучной славы; друзьями храбрыми, ратниками, дружиной храброй, дружиной. У Ершова: Ермак назван бестрепетным вождем, героем, кем-то; казаки — казаками, смелыми казаками. Одни и те же наименования — вождь, герой погружены в сонете в психологизированный контекст — "кручина на сердце героя лежала" — и сопровождаются нейтральным традиционно поэтичным эпитетом "бестрепетный", то есть бесстрашный. У Рылеева — героя окружает "ревущая буря", "презренный тать" Кучум; "с шумом" поглощает, "закипев страшней", река. Былинно-летописные торжественные рылеевские "товарищи трудов, побед, громозвучной славы, ратники, храбрая дружина" сменяются у Ершова на нейтрально-номинативные "казаки, смелые казаки".

Второй раз к теме Ермака П. П. Ершов обращается в поэме "Сузге", написанной после возвращения в Тобольск в 1836 году при более внимательном знакомстве не только с "Историей государства Российского" Карамзина, "Краткой сибирской летописью" Ремезова, но и сибирскими легендами, преданиями о Ермаковом походе. Об этом свидетельствует авторское определение жанра "сибирское предание" и творчество 40-50-х годов, когда Ершов не только в поэзии, но и в прозе, драматургии активно осваивает сибирские сюжеты, героями которых становятся сибирские казаки, отставной солдат, ямщик, татарские воины, татарин-кузнец Базим, мастера-казачки и т. д. [10]. Существенное воздействие на христианский пафос поэмы оказали события этих лет в жизни страны (публикация I философического письма П. Я. Чаадаева и начало дискуссий славянофилов с западниками) и в жизни поэта: Ершов тяжело переживает начальственные препоны к его программе и курсу русской словесности для гимназий; гибель Пушки-

на, вставшего на защиту чести семьи (см. письмо П. П. Ершова к матери от 16 апреля 1838 года).

Основой сюжета поэмы послужило, во-первых, упоминание в "Краткой сибирской летописи" одной из жен Кучума Сузге, к которой он ездил по пятницам: "...другой же пребывать устроив на Сузгунском мысу, именован Сузге. По той жене и город зовом Сузга; ныне же слово Сузгун место то, и ездил к ним по пятницам" [11]. И, во-вторых, неоднократное описание видений и знамений, являвшихся "бусурманам" до прихода ермаковой дружины: батальное видение мурзе Девлетим Баю на Панином бугре — ст. 21, толкование видений и провозвестие волхвов Кучуму об его изгнании — ст. 26, многократное видение Кучуму о битве двух зверей — ст. 27, 28 и другие. Характер осмысления событий в ремезовской летописи XVIII века не имеет принципиальных отличий от летописей XI—XII веков, "Повести временных лет", например. Так называемый синтетический стиль, не различавший достоверного и легендарного, господствовал в летописании и русской историографии до начала XIX века (см. подробнее о донаучной эпохе русской историографии статью В. Л. Янина [12]). И это неразличение органично связывало мир летописей с миром фольклорных преданий, легенд, с мифологическим мирозерцанием.

В сибирском предании "Сузге" Ершов упоминание о жене хана Кучума и видения соединяет в сюжет о неизбежной гибели попавшей в полон царицы. Народно-мифологическому христианскому пафосу веротерпимости соответствует ракурс изображения событий в поэме, повествование от имени собирателя и знатока местных народных преданий. Развитие событий в поэме предопределено Божией волей, которая является в видениях кучумцам и в молитвах казакам, спутникам воеводы Ермака. Безупречно милосердное поведение казаков лишь усиливает трагизм ситуации:

*Бог нам дал теперь победу,
Так грешно бы нам и стыдно,
Милость Бога презирая,
Обижать тебя, царица. [13]*

Эти слова атамана Грозы не могут вернуть к жизни Сузге, выбравшую смерть:

*На Грозу она взглянула...
Это не был взор отщепеня,
Это был последний взор! (с. 91)*

Фольклорный сюжет христиански осмысливается Ершовым: и Сузге, и казаки руководствуются в своих действиях волей божьей, явленной в видениях. Ершов, руководствуясь не только "Историей" Карамзина, но и "Сибирской летописью" Ремезова, развивает славянофильско-христианскую трактовку деяний Ермака в одноименной драме А.С.Хомякова (1825) и предлагает "проевразийский" вариант: осада и взятие крепости Сузгун казаками поданы в восприятии жителей ханского царства:

*Пришлецы теперь пируют
В нашем городе Искере;
Наше войско — куча трупов. (с. 76)*

Несостоявшийся диалог казаков-христиан с иноверцами-кучумцами в поэме Ершова имеет еще один литературный источник — поэму эпохи классицизма Ивана Дмитриева "Ермак" (1795). У Дмитриева покорение Сибири полубогом Ермаком являет волю "неукротимого Рачи", языческого бога, наказывающего Кучума и Сибирь за отвержение его закона и предпочтение магометанской веры:

*Сибирь, отвергша мой закон!
Пребудь вовек, стоная, плача,
Рабыней белого царя! [14]*

Если у Хомякова Ермак покоряется судьбе и сбывается предсказание язычника шамана (по Карамзину), то в поэме Ершова Аллах отворачивается от богатого царства Кучума, и казаки "довершают зачатое дело" с помощью "божеской силы и угодника Николая" (78-79). Ермаку у Ершова как богатырю-подвижнику доступна божественная вертикаль: он разделяет службу московскому царю и служение Святой Руси, поэтому, напутствуя казаков в их ратной работе, призывает "помнить милость Бога, не губить напрасно всех" кучумцев и предлагает "честно погибнуть", чем "заслужить проклятье на позорной плахе" (80).

Таким образом, П. П. Ершов в поэме "Сузге" развивает вслед за А. С. Хомяковым христианское осмысление темы Ермака как сюжет о раскаявшемся разбойнике. Трагический пафос поэмы усиливается провиденциальным противостоянием: царица Сузге не принимает милости казаков, но смиряется перед Провидением, а крепость Сузгун "блещет в клубящемся волнами пламени" (91-92). Ершовская интерпретация темы Ермака впервые соединяет сибирские фольклорные предания разных этносов в христианском мотиве покаяния и примирения, в былинном служении родной земле, какой стала Сибирь для казаков и кучумцев.

Историческая драма романтика Н. Полевого "Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь", появившаяся в разгар споров славянофилов с западниками в 1845 году, очевидно, стала своеобразным откликом на них и ждет изучения, поскольку ни разу не переиздавалась в XX веке.

Усиление христианизации темы Ермака продолжается в 40-50-е годы в собирательской фольклорно-этнографической деятельности П. В. Киреевского, опубликовавшего за три десятилетия десять выпусков материалов. В середине 60-х годов он публикует историческую песню "Ермак", записанную в Орловской губернии от старика раскольника. В перемене "времени нездорового" на "времечко счастливое" при царе Иване Васильевиче просматривается логика христианского мышления, когда "стал-то Грозный царь Россеюшку любить...чужи страны с ней сводить". Ермаково "завладение Сибирью" в этой логике — покаянный "гостинец" и залог "прощения Грозного царя" [15].

С начала 70-х годов народническое движение активно обращается к созданию фольклорно-пропагандистских жанров, ставших летописью крестьянской России со времен Разина и Пугачева. В атмосфере всеобщего увлечения революционной пропагандой Л. Толстой занял сложную и достаточно противоречивую позицию: не принимая "хождения в народ" передовой интеллигенции, критикуя правительство и церковь, он призывает в просвещении народа опираться на патриархально-крестьянское мирозерцание и выпускает в 1872 году "Азбуку" и четыре "Русские книги для чтения". Стилевое единство "народных рассказов" образуется из сочетания традиций древней учительной литературы и устного народного творчества.

В отличие от немногочисленных народных рассказов на историческую тему, имеющих авторское определение жанра стихи-сказка — о богатырях и быль — о Петре I и Емельке Пугачеве, "Ермак" обозначен как история [16]. Такое определение не противоречит логике христианского осмысления Российской истории и дополнительно указывает на летописные источники. Освоение Сибири казаками Ермака в интерпретации Л. Толстого было мирным и милосердным не только ввиду явного превосходства в вооружении

(у казаков — огнестрельное оружие, у кучумцев — стрелы), но потому, что для Ермака "со товарищи" оно было покаянной ратной работой. Не случайно рассказу о Ермаке предшествует быль о раскаявшемся воре "Архиерей и разбойник". Своеобразное понимание Л. Толстым христианской веры, критика исторического христианства и православия приводят писателя к отказу от христианской мистической романтизации и установке на здравый смысл. Последнему подчинена простота и занимательность сюжета, изобилующего диалогами, фактографическая краткость авторского повествования. Толстовская интерпретация деяний Ермака близка духу народной исторической песни "Ермак" из собрания П. В. Киреевского, в основе которой христианский сюжет о раскаявшемся грешнике.

Историографический вариант темы Ермака в 70-е годы предлагает Н. И. Костомаров в третьем выпуске "Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей". Спорность историко-политической концепции Костомарова (об этом см. подробнее предисловие В. Л. Янина) не отменяет оригинальности и неограниченности сюжетов, состава биографий, среди которых писатели и просветители, освободители и землеискатели. В освещении Костомарова Ермак прошел путь от вольного "воровского" казака до казака служилого, землеискателя, бывшего представителем самой деятельной части русского населения в Сибири. Добровольная активность Ермака в освоении "татарского царства" усиливается упоминанием о факте отзыва Ермака царской грамотой, "чтоб не затевал ссор с сибирским салтаном". Христиански осмысливается поведение Ермака-покорителя, строго запретившего насилие над "бывшими челом победителю". Правота Ермакова похода подтверждается последовавшим заселением и градостроительством в Сибири, экономическим упрочением Москвы, мирным сосуществованием народов Сибири: русских, татар, пленных литовцев, немцев и других [17].

Таким образом, к середине 70-х годов XIX века в культурно-историческом самосознании россиян поход ермаковых казаков утверждается как христианский сюжет о раскаявшемся разбойнике, заслуживающим прощения ратным подвигом, землеискательством, как былинные богатыри — божьи заступники.

Юбилейный очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка "Покорение Сибири" (1881) подводит своеобразный итог теме Ермака в литературе XIX века, потому что вбирает опыт "предшественников" и литературных (дума Рылеева, драма Хомякова, поэма Ершова, народный рассказ Л. Толстого), и исторических (летописи, "Истории..." Карамзина, Костомарова), делает новый акцент, нравственно-экологический, на осмыслении темы современниками-народниками. Мамин-Сибиряк отказывается от декабристского пафоса тираноборчества, характерного для думы Рылеева о Ермаке. Накануне получения счастливой вести о покорении Сибири, когда московские колокола загудели о Ермаке, который "поклонился белому царю Сибирским царством", Иван Грозный у него отягощен государственными заботами и осаждаем неприятелями (крымским ханом, выжегшим Москву; шведами и поляками, "оттягавшими целую Ливонию"). Не наблюдается в очерке Мамина-Сибиряка ортодоксального пафоса православной соборности, свойственной трагедии А. С. Хомякова "Ермак". Отношения Ермака с казаками скорее укладываются в сказочный канон (сказано — сделано) или воинский устав (приказ-исполнение).

"Экологичность" подхода Мамина-Сибиряка проявляется в равно внимательном отношении к обеим сторонам: объективно изображаются и действия казаков Ермака, и ответные шаги местных племен. Областнический

этнографизм Мамина-Сибиряка предстает в очерке как выверенный анализ экономической и политической ситуации на Руси XVI века, вынужденной ускоренными темпами укреплять государственную независимость промышленным освоением Сибирских земель. При этом Иван Грозный экономически поощряет инициативу купцов Строгановых, отдавая в беспошлинное владение вновь открываемые земли на двадцать лет и разрешая привлечь для охраны вольных казаков. Экономическими и религиозными причинами объясняет Мамин-Сибиряк поражение Кучума, обложившего непосильной данью местные племена и насильно насадившего ислам: "Теперь остяцкие шаманы обрадовались случаю отплатить врагу и распустили по всему народу молву о разных дурных знаменьях и приметах" [18].

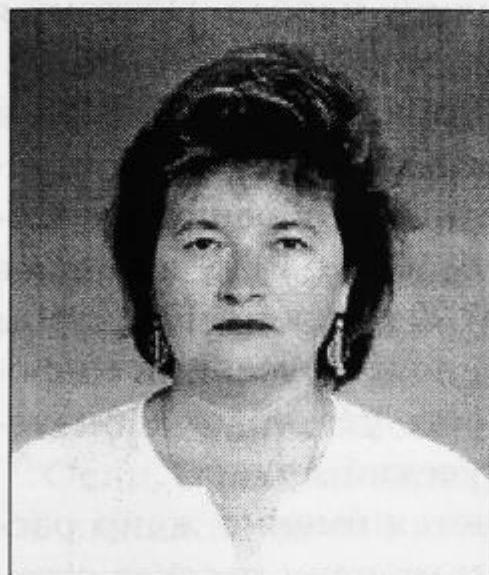
Экологично нравственное обоснование цивилизационно-психологического приоритета освоителей Сибири — казаков, которые в "походе за прощением вины" превращаются из разбойников-смертников в богатырей-заступников всех сирых и обиженных, исполнителей царева и божьего повеления: "Бог велит — и город Искер возьмем". Национальная ментальность явлена у Мамина-Сибиряка на стыке сказочно-былинных жанров и жанра учительных хождений: в очерке дважды цитируются былины, сюжет сказывается как разрешение невыполнимых заданий царя, Строгановых и завершается наградой победителя Ермака. Рассказ о смерти богатыря отнесен в эпилог и растворен в былинной славе героя.

Литературное освоение Сибири в XIX веке подтвердило закономерность обращения к социально и политически актуальной теме в периоды либо подъема национального духа, либо спада, национальной распутицы. Идеологическая значимость темы Ермака в литературе XIX века оказалась неразрывно связанной с национальным видением мира в его религиозно-учительном и фольклорном вариантах. Итоговый эволюционно-экологический подход к теме Мамина-Сибиряка, равно уважительный к народной инициативе Ермака с казаками и государственной целесообразности политики Ивана IV, явился исполнением пушкинского завета обретать гармонию в духовном освоении необозримых пространств России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров Б. О национализме и панславизме славянофилов // Вопросы литературы. 1991. № 7. С. 84-95. Буланов А. Рациональное и сердечное в теории познания и в эстетике славянофилов // Вопросы литературы. № 7. С. 96-103. Николаев О. Р., Тихомиров Б. Н. Эпическое православие и русская культура (материалы и постановка проблемы) // Русская литература. 1993. № 1. С. 3-20. № 2. С. 3-16.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. С. 239.
3. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 288-293.
4. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 210.
5. Подробнее об этом см.: Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 276-279; материалы "Ершовских чтений" в Тобольске и Ишиме; тезисы Л. И. Крекниной в "Словцовских чтениях — 93, 94" и др.
6. Чмыхало Б. А. Региональные проблемы истории русской литературы. Автореферат. Екатеринбург, 1993. 34 с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. С. 228. Далее в тексте в скобках указывается страница.
8. Рылеев К. Ф. Избранное. М., 1977. С. 147.
9. Ершов П. П. Смерть Ермака // Сибирские строки. Русские и советские поэты о Сибири. М., 1984. С. 41.
10. См. подробнее: Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. С. 282-286.
11. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880. Статья 25. Далее ссылки на летопись смотри в тексте с указанием статьи.

12. Янин В. Л. Предисловие // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Кн. 1. С. 5-11
13. Ершов П. П. Сузге. Стихотворения, драматические произведения, проза. Иркутск. 1984. С. 90.
14. Дмитриев И. Ермак // Русская историческая поэма. М., 1984. С. 35-36.
15. Киреевский П. В. Собрание народных песен. Тула, 1986. С. 174-175.
16. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22-х томах. М., 1982. Т. 10. С. 98-104
17. Костомаров Н. И. Ермак Тимофеевич // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Кн. 1. С. 521-533.
18. Мамин-Сибиряк Д. Н. Зимовье на Студеной. Рассказы, очерки. Свердловск, 1978. С. 230-249.

**ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА
ЛАГУНОВА** —
доцент кафедры русской литературы
филологического факультета,
кандидат филологических наук

УДК 894.5.

**КУЛЬТУРА ПРОЗЫ И СТИХА
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(Е. Айпин, Ю. Вэлла)**

АННОТАЦИЯ. Целостные художественные тексты коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири выражают глубину и оригинальность культурных российских этноконтактов, столь подробно и системно впервые представленную автором статьи через анализ еще не исследованных произведений.

Integral belle — letre texts of aboriginals of Western Siberia North which express the depth and originality of Russian ethnic contacts in culture are represented by the author of this article in details and by precise systematic analysis of the texts never studied before.

I

Недавно в Москве издан том избранных произведений Е. Айпина, в который вошли роман "Ханты" и книга "Рассказы разных лет". В новой редакции программный рассказ "Русский Лекарь" был помещен автором в первый выпуск окружного альманаха "Эринтур". Именно о рассказах писателя последнего времени хотелось бы поразмышлять, потому что они открывают нам нового Еремея Айпина.

В конце 80-х годов в публицистическом манифесте "И уходит мой род" художник говорит о себе как о "призраке": "Я говорю с вами из Нижнего